Публикации

Из ученических сочинений Михаила Глухарёва (архимандрита Макария) по богословию, философии 1815—1817 годов[1]

О догматических или о нравственных истинах более должно говорить на церковной кафедре?

Лл. 10–10 об.

На сие ответствует Апостол Павел сими словами: *разум кичит, а любовь созидает.* Он же, в ином месте, прилагая истину сию к себе самому, глаголет: *сице вем тайны вся и весь разум, любве же не имам, ничтоже есмь.* Итак, любовь есть душа христианства, печать, которую Дух Святый полагает на сердце, на язык и на чело истинных Христовых искупленников, и сим единым знамением они отличаются от врагов Иисуса Христа. Чему же еще надлежит христианин[у] научаться и чему еще поучать христиан, кроме сей любви, низводящей небо на землю и землю возносящей на небо? Любовь есть исполнение закона и союз совершенства.

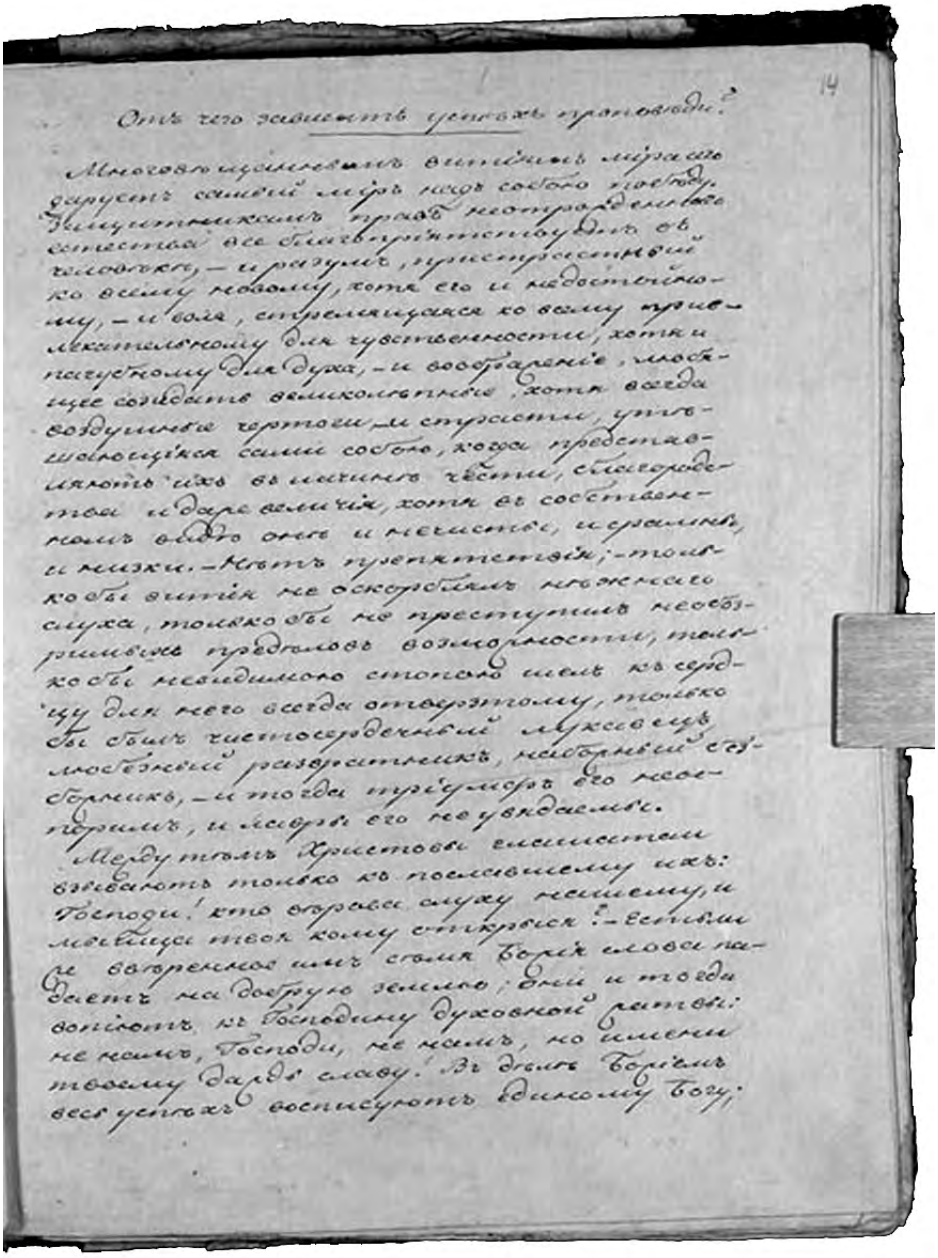
Чистая вера дарует чистую любовь; но кто не любит, тот еще не веровал. Тот самым лучшим образом верует, кто более любит, нежели умствует.

Суетность, а потом необходимость разделили веру Христову на область разума и область сердца. Почему Давид говорит к Богу: *Боже сердца моего*, а не сказал: Боже моего разума? Потому что Царствие Божие, престол Божий, покоище Божие находится в сердце человека, а не в разуме.

---

[1] «Ученические опыты в сочинении о. Архимандрита Макария (Глухарёва). Переданы от Его Высокопреосвященства Филарета Митрополита Московского в 1853 г.» / НИОР РГБ. Ф. 173. 2. Московская Духовная Академия. № 17. 132 л. Рукопись. Автограф.

Публикация подготовлена канд. пед. наук Ольгой Александровной Павловой, библиографом Православной Гимназии во имя Преподобного Сергия Радонежского.



14

От чего зависит успехъ проповѣди?

Многовѣщательнымъ внѣшнимъ міромъ даруетъ самый міръ надъ собою господу. Мудростникомъ правъ неотраженнаго сознанія все благолѣпіемъ обуялъ въ человѣкѣ, — и разумъ, приспособившій ко всему новому, хотя его и недостаточному, — и воля, стремящаяся ко всему привлекательному для чувственности, хотя и нечистому для духа, — и воображеніе, мостящее созидать великолѣпное, хотя всегда воздушные чертоги — и страсти, утвердившіяся самы собою, когда представляютъ ихъ въ истинной чести, благородствѣ и даре величія, хотя въ состояніи самъ видѣть оные и нечистые, и срамны, и низки. — Нѣтъ препятствія; — только бы внѣшнія не оскорбляли ложнаго слуха, только бы не преступили неосязримыя предѣлы возможности, только бы невидимою стопою шли къ сердцу для него всегда отдрожному, только бы сынъ чистосердечный лукавецъ, любезный развратникъ, неборный сѣтборникъ, — и тогда трѣумфъ его неоспоримъ, и мѣсто его не увядаемо.

Между тѣмъ Христовы ученики взываютъ только къ послушному ихъ: Господи! кто вѣрнее слуху нашему, и мышцы твоя кому открылся? — Истинно не затворенное имъ сонмъ вѣрныя слова падаетъ на добрую землю; они и тогда вопіютъ, къ Господину духовной ратовы: не намъ, Господи, не намъ, но имени твоему дадѣ славу. Въ домѣ вѣрныхъ всѣ успѣхи воспишутъ единому Богу.

Первая страница сочинения Михаила Глухарёва «От чего зависит успех проповеди?» (Ученические опыты в сочинении о. Архимандрита Макария (Глухарёва). Рукопись. Автограф. Л. 14)

Итак, служитель слова более всего должен стараться о исправлении воли вверенных его попечению, и даже то учение, в котором разум требует преимущественного участия, направлять к деятельности. Он должен подражать в том Иисусу Христу и Божественным Апостолам. Ибо как Иисус Христос, так и Апостолы излагали величайшие истины веры не иначе, как соединивши с ними величайшие правила христианской нравственности.

От чего зависит успех проповеди?

Лл. 14–17

Многовещанным витиям мира сего дарует самый мир над собою победу. Защитникам прав неотрожденного естества все благоприятствует в человеке — и разум, пристрастный ко всему новому, хотя его и не достойному, — и воля, стремящаяся ко всему привлекательному для чувственности, хотя и пагубному для духа, — и воображение, любящее созидать великолепные, хотя всегда воздушные чертоги, — и страсти, утешающиеся сами собою, когда представляют их в личине чести, благородства и даре величия, хотя в собственном виде они и нечисты, и срамны, и низки. — Нет препятствия — только бы вития не оскорблял нежного слуха, только бы не преступил необозримых пределов возможности, только бы невидимою стопою шел к сердцу, для него всегда отверстому, только бы был чистосердечный лукавец, любезный развратник, набожный безбожник — и тогда триумф его неоспорим и лавры его неувядаемы.

Между тем Христовы глашатаи взывают только к Пославшему их: Господи! кто верова слуху нашему, и мышца Твоя кому открыся? Если же вверенное им семя Божия слова падает на добрую землю, они и тогда вопиют к Господину духовной жатвы: не нам, Господи, не нам, но имени Твоему даждь славу! В деле Божием весь успех восписуют единому Богу и на себя смотрят как на орудия, которых действительность зависит единственно от действующей чрез них благодати небесного Художника.

Так! Если учители Церкви суть свет миру, то свет сей заимствуют от невечернего Солнца правды. Они суть также врачи, долженствующие целить духовные недуги, в которых мы зачинаемся и в которых раждаемся. Но поелику рождение сие есть общее для всех человеков, то и сами врачи подвержены тем же недугам, страждут от них и во всех способностях своей природы способа не находят от них избавиться. Как же могу я, — думает слуга Божий, — потребить в душах, вверенных моему попечению, зло, которое свободно свирепствует в собственном моем сердце, когда я сам не то творю, что хощу, а то делаю, что ненавижу; когда

сам не волен в своих помышлениях, желаниях и действиях, — то могу ли быть волен в сердце другого? Могу ли сам собою исправить поврежденное в другом естество, когда безсилен в себе самом произвести сие? Я сплю греховным сном — и кого возбужду ко бдению и хождению в Господних заповедях? Я мертв духом — и кого воскрешу к духовной жизни? Могу ли дать другому то, чего сам не имею, от чего другой отвращается и что принять никого нельзя принудить?

Нет ему ниоткуда надежды, если не прибегнет к источнику благодати во Иисусе. Се благий Врач врачующих! Его служитель слова должен молить, да вообразится Он в нем со всеми доблестями небесных совершенств Своих; да изженет из сердца его нечистые образы, входящие от страны мира; да очистит всепожирающий огнь благодати и разум его, и сердце, и помышления, и желания. Тогда, а не прежде должен он помышлять о обращении других ко Христу, когда сам к Нему обратится; тогда, а не прежде может быть совершен Божий человек, когда сама благодать Божия уготовит его на всякое дело благое.

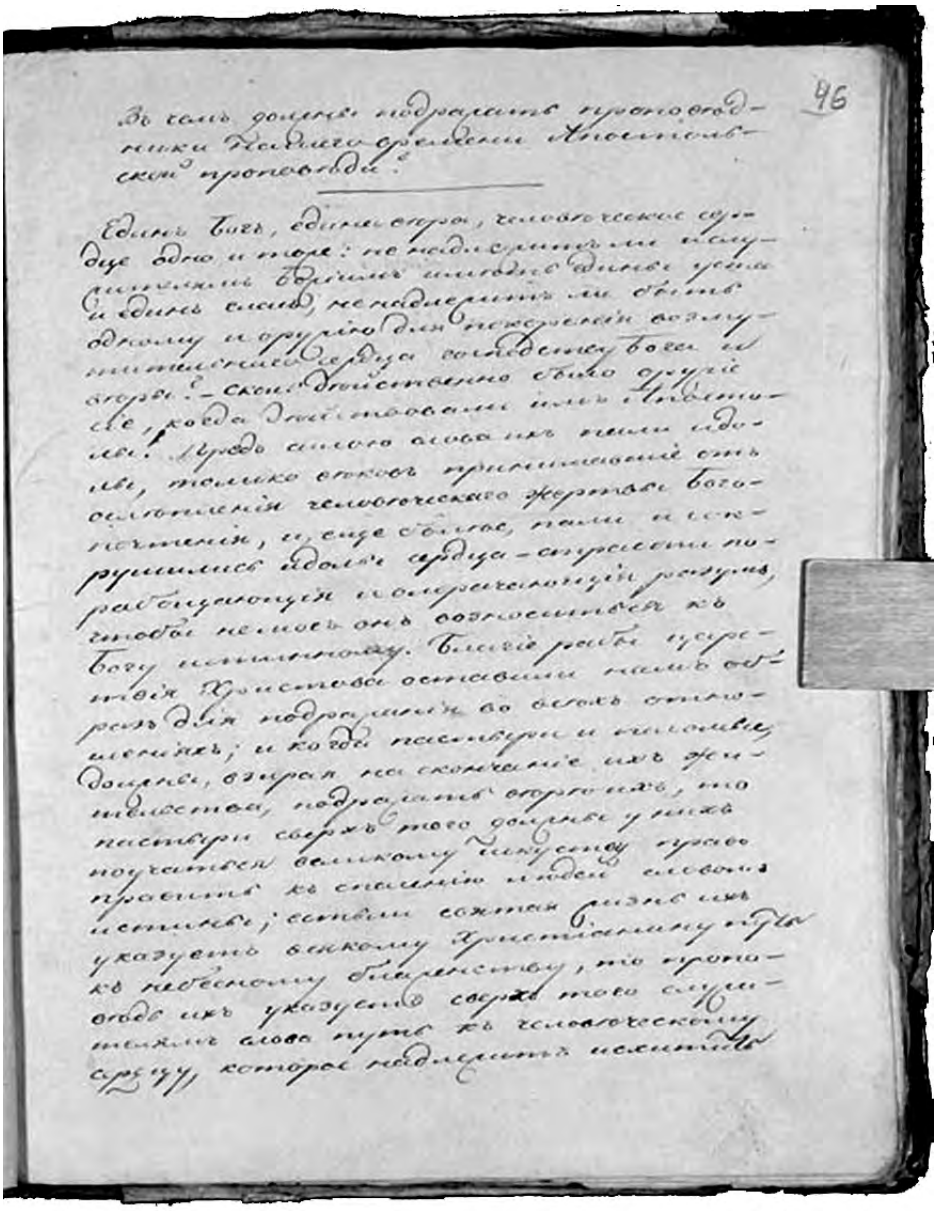
Правда, Божия премудрость, неизследимая в советах Своих, избирает иногда и недостойные органы для излияния людям даров любве Своея; и Тот, Кто является не ищущим Его, являет во время благопотребно чудную силу слова Своего чрез уста непотребных грешников. Но кроме того, что явление Божией силы в нечистых сосудах бывает сопряжено со вредом для последних, — не должно ли сие самое наставить нас в том, что Дух Святой дышит, идеже хощет, и что благодать возбуждающая и обращающая не вяжется ничем человеческим: ни умом, ни языком, ни даже святостию жизни, а действует там, где благоугодно. Исполненному благодати и истины, в деснице Которого содержатся сердца человеческия подобно скудельным сосудам в руках делателя, могущего сокрушить их, претворить и дать им всякое образование.

Единый Дух, Который Апостолов соделал наследниками мира, и ныне действует в Церкви чрез преемников звания их. Если невежд словом Он облек такою силою, которой не могли противиться все естеством противившиеся духу Христову, то все витийство проповедников наших останется мертвым, если не будет оживлять его та же Духа Святого сила. Обращение грешника к Богу было и навсегда останется чудом. Ибо чудо есть такое дело, которого причины не можно обрести в обыкновенном ходе природы; а какова наша природа нравственная, сие известно всякому.

Что такое мысль? И благой мысли человек от себя иметь не может, по слову Апостола. Тем менее от сердца раздираемого ненавистию можно ожидать святыя любви, от души терзаемой совестию злою — духовной радости, от притязательного и нечистого любочестия — ангельского

с ближними мира, от малодушного самолюбства — геройского долготерпения, от самости — всеобъемлющей благости, от жестокосердия — милосердия христианского, от кичливого разума — веры безусловной, от гордости и надмения — кротости духом нищетствующей, от сластолюбия — распинающего плоть со страстьми и похотьми воздержания. Посему как безводная и песчаная степь не может произращать цветов благовонных и плодоносных древес, так и жаждущая пустыня сердца человеческого не может производить крина, который был бы в воню духовного благоухания; и никогда не явит она плодов истинной добродетели, если вожделенная роса Божией благодати не снидет напоить ея. До того времени все человеческие усилия оплодотворить нерождающую останутся тщетными, и никакое искусство не преодолеет природы, ибо природа сильнее всего, кроме глагола ея Владыки.

Не можно довольно оплакать растления оной природы, которую все от Адама получили в наследство; но человек тем злощастнее, что не чувствует своего злощастия. Сего не довольно; примеры, навык соделали для него греховное рабство не только сносным, но даже любезным. Ежели иногда в минуту, которой не знает цены, ощутит он непонятный для себя страх умереть в сем состоянии, то вдруг и объясняет его желанием — жить в оном вечно. Какой дар красноречия сообщит человеку сему ощущение собственной бедности? Какая река остроумия шумом своим воздвигнет его от бедственной дремоты? Какое словообилие исчислит ему те блага, которых он лишает себя по своему нерадению? Но если исчислит, то без сомнения не соделает их для него драгоценными. Душевен человек не приемлет, яже Духа Божия. Кто живет по духу мира, тот не может разуметь сладости жить по Духу Божию; кто прикован к земле всем естеством своим, тот не может на крилах священного восторга воспарить в горняя и умными очами созерцать уготованное любящим Бога. Все сие ему юродство — мечта воображения, которую он презирает и которой никогда не согласится искупить тем, что одно почитает существенным. — Он мертв, и кто воскресит его кроме Тебя, о Боже, в Котором и свет и живот человека? Сердце его окаменело: но Ты можешь из самого камения воздвигнуть чад Аврааму. Он раб греха: но Ты, Сыне Божий, свободишь его, и он воистину свободен будет. Воистину внидет в истинную свободу чад Твоих, с истинным раскаянием прибегнет в лоно милующей благодати Твоей, верою и любовию приступит к Тебе, возобладает Тобою. Воистину свободен будет: ибо там только свобода, где к Сыну влечет единый Отец, а не там, где мирному кресту сопутствует упивающийся человеческою кровию меч. Там нет свободы, нет благодати, а где нет благодати, там какой и успех проповеди?



Первая страница сочинения Михаила Глухарёва «В чём должны подражать проповедники нашего времени Апостольской проповеди?» (Ученические опыты в сочинении о. Архимандрита Макария (Глухарёва). Рукопись. Автограф. Л. 46)

Когда Апостол Павел говорит о своих подвигах в Христовом благовестии, то самые труды свои относит не к себе, но к единому Богу. Потрудихся — не аз же, но благодать, яже со мною. Не един ли Бог сотворил сии громады миром, и не о Нем ли едином все существа живут и существуют? Но если вне Бога не было для Бога в творении, и нет в хранении мира вещественного соучастников в действовании, то и возсоздание ветхого человека в новую тварь не может быть делом существа сотворенного. Един Тот, Кто из тьмы повелел возсиять свету, творит великий свет и в душе, грехом омраченной. Аполлос насаждает, Павел напояет: но кто знает, что виноград насажденный и напоенный не изсохнет от дыхания тлетворного ветра, а возрастет и принесет вожделенные плоды? кто знает, что немощный человек устоит неколебимо против соблазнов и искушений и что семя Божие, ныне пребывающее в нем, заутра не похищено будет из сокровищницы сердца его древним врагом человеков?

Итак, не насаждаяй что есть, ни напояяй, но возращаяй Бог. Итак, аще человек о себе славится, слава его ничтоже есть.

[Оценка:] *Живо и основательно!*

В чем должны подражать проповедники нашего времени Апостольской проповеди?

Лл. 46–49 об.

Един Бог, едина вера, человеческое сердце одно и то же — не надлежит ли и служителям Божиим иметь едины усты и един глас, не надлежит ли быть одному и оружию для покорения возмутительного сердца господству Бога и вере? — Сколь действенно было оружие сие, когда действовали им Апостолы! Пред силою слова их падали идолы, толико веков принимавшие от ослепления человеческого жертвы богопочтения, и еще более, пали и сокрушились идолы сердца — страстьми порабощающия и омрачающия разум, чтобы не мог он возноситься к Богу истинному. Благие рабы Царствия Христова оставили нам образ для подражания во всех отношениях; и когда пастыри и пасомые должны, взирая на скончание их жительства, подражать вере их, то пастыри, сверх того, должны у них поучаться великому искусству право править к спасению людей словом истины; если святая жизнь их указует всякому христианину путь к небесному блаженству, то проповедь их указует сверх того слушателям слова путь к человеческому сердцу, которое надлежит исхитить из недостойных рук суетного мира и возвратить Богу, его законному Владыке и Господу.

В самом деле, если истинное достоинство красноречия состоит в его убедительности, то красноречие Апостолов, которых вещания, прошедшие до последних концев земли, обратили целые народы от тьмы неверия ко Святому Евангелию, заслуживая удивление мира, особенно требует подражания тех, которым Апостолы чрез толико веков предают славно совершенный ими подвиг проповеди крестного слова. Чтобы составить себе некоторое понятие о свойстве сей проповеди, надлежит обратиться ко младенческим дням Христовой Церкви.

Это было время скорбное для верующих. Гонения на Церковь начались от ея колыбели — так, как гонения на Искупителя от Его яслей. Враги Господа и Христа Его, разделившись на два полчища тьмы — иудеев и язычников, не преставали озлоблять[1] сынов света, и сии старые плевелы всеми силами старались подавить еще восходящую, но благословенную пшеницу на поле Господнем. Апостолы — благовестники мира — не исторжение сих плевел имели своим назначением, им надлежало чудесною силою слова, сопровождаемого действием Духа, переродить самых сынов гнева и погибели в чад благодати и спасения, надлежало адские козни и стрелы обратить против самого ада, и тех, кои гнали Церковь Божию, претворить в ревностных ея ратоборцев. Им надлежало привести ко Христу иудеев и еллинов, а для сего нужно было действовать против тех и других таким оружием, какое для первых или последних было самое опаснейшее; для сего нужно было открывать и в иудеях, и в еллинах собственные их слабые стороны, дабы сюда обращать всю силу нападения; для сего нужно было знать частные их предрассудки, чтобы трудным и низложением, и разорением сих твердынь князя тьмы соделать славнейшею, многоплоднейшею и надежнейшею победу Иисуса Христа. Таким образом Апостолы были всем вся, чтобы всех приобресть Господу. И вот одна из отличительных черт проповеди их, всегда одна и та же в своем существе, она принимала различные изменения, соответственно с различным состоянием, с различным образом мыслей и чувствований в народах, которым возвещаемо было слово спасения. И вот одна из преимущественных черт, которую и наших времен проповедники должны усвоить себе. Правда, большая из них часть не имеет дела ни с язычниками слепотствующими, ни с упорствующими иудеями; но не имеют ли они дела с людьми различных полов, различных возрастов, различных состояний, различных достоинств, и посему с различными предубеждениями, с различными слабостями, со страстями в различной силе, с разсудком в различной степени развития?

---

[1] Озлоблять — с церковнослав. «причинять зло». *Прим. ред.*

Итак, да будут они всем вся. Ин язык между детьми, которых нужно поить млеком, ин между мужами и старцами, которых нужно питать твердою пищею и брашном. Ин язык пред царями, которым надлежит хвалить любовь к подданным, ин пред подданными, которым нужно внушать верную к царям преданность. Ин язык пред строем воинов, которых нужно вооружить мужеством к презрению всех опасностей и смертей за други своя, ин пред мирными гражданами, которых должно предостеречь от разслабления в духе и развращения среди спокойствия жизни. Да будут они всем вся, да всех приобретут. Приспособление к состоянию слушателей есть верный способ поддержать их внимание и овладеть их сердцем. Для всякого занимательно то, что может относиться к его личности и указывает на его настоящее положение. Вития никому не наскучит, если ко всем говорит так, как бы говорил всякому в особенности. Напротив, кто только теряется в облаках умозрений и отвлеченностей и не хочет низойти в круг своих слушателей, тот навсегда останется один в своей превыспренности, куда никто не видит нужды за ним следовать.

Но отчего это бывает, что, желая сделать лучше, делают гораздо еще хуже и тщатся возвыситься, чтоб только упасть? — Оттого что забывают, какая есть истинная цель проповедания, оттого что думают только о том, как бы выказать себя с хорошей стороны пред слушателем, а не о том, как бы выказать слушателя с худой стороны пред его собственной совестию. Существенная цель, которую проповедник непрестанно должен иметь в виду, состоит в том, чтобы наставить и убедить верующего в известной истине благочестия. Цель высокая, ибо она соединена со славою Божиею и спасением человеческим. Посему тот унижает ее, кто, заботясь по видимому о спасении людей, заботится только о собственной славе. Непрестанная заботливость сия обнаруживается в том многотрудном изыскании украшений, которым себя обременяют, в том великолепном наряде слов, который напоказ выставляют, в том преизобилии ярких цветов, которые бросают на слушателей, желая разбудить спящую совесть их. — Напрасный труд. Истина, и истина Евангельская, отвергает такую пышность. Красота сей дщери неба внутрь ея самой. Называют ее простотою в отличие от красоты ложной, которая всегда бывает непроста. Хотим ли знать или, лучше сказать, чувствовать скромную красоту сию? — Надлежит читать писания Апостолов. Какие высокие тайны, какие истины, какие наставления, обличения, моления, утешения — и все с несказанною простотою! Ни одной бесплодной мысли для занятия пустоты речи, ни одного выражения, поставленного для того, чтобы блистать, ни одного слова, положенного для суетной пышности, ни одной частицы, употребленной для какого-либо благозвучия! Все с намерением — без ухищрения, все на своем месте — без принужденности,

все пленительно — без обольщения. Итак, не грубость какую-нибудь и необразованную низкость разумеют, когда говорят о простоте апостольского слова, достойного во все времена украшать церковную кафедру. Напротив, сия простота совместима со всеми украшениями, нужно только, чтоб они были природныя для излагаемой истины. Сей простоте не противна возвышенность; нужно только, чтоб самые предметы возвышали витию, а не вития старался возвышать посредственные предметы. И здесь опять надлежит подражать Апостолам, чтобы узнать тайну — быть возвышенным в простоте и простым в возвышенности.

Но главное и существенное, в чем надлежит подражать Апостольской проповеди, есть дух, ее оживляющий, — дух благочестия, дух страха Божия, — дух крепчайшей нежели смерть любве ко Иисусу Христу, дух беспристрастного доброжелательства к ближнему, дух ревности по славе Господней, дух самоотвержения неищущего своих-си. Если проповедник одушевит себя таковым духом, то Дух, Который идеже хощет дышит, не укоснит сотворить слово его живым и действенным. Оно как меч обоюдоострый проникнет в сокровеннейшие изгибы человеческого сердца — и тогда будет ясно, что желающий с успехом подражать витийству Апостолов наперед должен подражать святости их, жить их жизнию, не по духу мира, а по духу Христа.

[Оценка:] *Мысли, порядок и слог прекрасны.*

Нужно ли для церковного оратора искусственное красноречие?

Лл. 54–56 об.

Святая Церковь, с нежностию матери пекущаяся о спасении чад своих, всегдашнюю имеет нужду наставлять их подвизаться в преданной святым вере и соблюдать себя в любви Божией; посему нужны для нея пастыри и учители, которые, охраняя овчий двор Христов, не преставали бы глашать словесных овец, дабы, возлюбив нынешний век, не удалились они на страну далече и не впали в пасть диавола — сего льва рыкающего и ищущего кого поглотити.

Апостолы, пронесшие учение Христово во все концы вселенныя, были первые после подвигоположника Иисуса проповедники в Церкви Новозаветной. Но проповедь их была не плод искусства и труда человеческого, а вдохновения Святаго Духа, давшего им уста и премудрость, которой не могли противиться ни суеверие иудейское, ни гордость еллинская.

Поздние преемники звания их не получили того же чудодейственного дара пророчества, ибо Церковь Христова получила уже то твердое основание, которого не силен был поколебать ад со всем своим ухищрением и неистовством. Истины спасения нашего были уже все возвещены, и преданныя письмени ограждены и обезопасены от забвения и утраты между христианами так, что непосредственное откровение сделалось излишним; Господь же без причины ничего не творит и святых даров Своих напрасно не расточает. Очевидно, какому после сего надлежало произойти различию в проповедании служителей слова Божия настоящих времен от проповеди Апостолов. Сии изложили нам Божие слово, а те должны в назидание верующих руководить к разумению слова сего, всегда многоплодного и замыкающего в себе благословенныя семена многообразных и спасительных истин; они должны раскрывать краткую заповедь Божию во всей широте ея, утверждать и объяснять слово самым же словом, и многоразличные лучи Божественного откровения как бы сближать, счиневать и совокуплять, дабы тем вяще озарить умы, возбудить совести и воспламенить сердца огнем благих и достойных христианина чувствований.

Иисус Христос глаголал ученикам Своим: *не пецытеся, како или что возглаголете;* слова сии не касаются проповедников времен последующих. Им надлежит пещися и о том, что говорить, и о том, как должны они говорить, к научению ли младенствующих в вере, к обличению ли кичливых умом, воюющих на веру, к исправлению ли и к наказанию верующих, но не творящих плодов живыя веры, или погрешающих о истине и неправо приемлющих святое учение, сказать просто, им нужно приобретать дар слова, который Апостолам был единственно свыше дарован, им нужно красноречие, которое если не есть вдохновенное, то должно быть искусственным.

Да не будет кому в соблазн слово сие: искусственное красноречие! Ибо в самом деле некоторые, соблазнившись им, утверждали, что проповеднику Божия слова не нужно никакое искусство, что оно даже было бы в нем предосудительно, что с достоинством Евангелия великолепие не совместно, что непринужденная простота есть лучшее украшение и неотъемлемая его собственность. Видно, что сии люди имели неправильныя об искусственном красноречии мысли; им бы надлежало увериться, что сие искусственное есть самое естественное и не противное простоте даже Евангельской, что истинное красноречие не есть искусство блистать прибором слов и щекотать пустыми звуками ухо, но управляемая законами здравого разума способность посредством слова, дарованного нам от природы, но усовершаемого наукою и опытом (вот все

и искусство!), убеждать умы к принятию истины и одушевлять сердца чистою к ней любовию. — Если единая истина может говорить языком всегда убедительным, то красноречие не может лучше достигнуть высочайшей степени совершенства, как служа посреде церкви истине чистейшей злата, искушенной в огне, очищенной седмерицею. Но, с другой стороны, самая истина сия, в устах обыкновенных человеков, требует умения хорошо употреблять ее во благо тех, коих надлежит привести в разум истины.

Человек естественно любит новость, душевный человек — христианин еще по одному имени — ищет новость в самой заповеди Божией. Но заповедь сия ветха, сию заповедь он слышал исперва: может быть, ею думали напоить его со млеком матерним; может быть, едва разрешился язык его от младенческого немотствования, старались влагать в уста его сию духовную пищу; может быть, едва ощутил он в себе разум и сердце, — заботились просветить его разум и исполнить сердце светом сия заповеди. — Но все сии средства, которыми всеблагий Бог призывал его ко спасению, соделал он для себя тщетными непокорностию ума своего гордого и слепотствующего, упорством растленной и порабощенной страстям воли.

Что ж теперь должен делать слуга Божий, чтоб возбудить спящую душу сию от бедственной безпечности? — Правда, ничто не может быть разительнее истин, которыя должен возвещать проповедник грешникам, но истины сии сделались для последних слишком обыкновенными от частого, но безплодного их представления. Правда, путь, ему предлежащий, есть путь самый безопаснейший и очищенный от всех преткновений, но вместе путь самый известнейший и единый, по которому толико веков шествуют его сподвижники. Правда, слово Божие есть сладко паче меда и сота для устен праведных, но кто повредил духовный вкус временною сладостию греха, тот перестает чувствовать приятность сокровенныя манны; сия нетленная, но повседневная снедь становится ему в тягость, он требует для разнообразия египетских мяс и рыб. — Служителю слова остается в сем случае подражать Моисею и молить Бога, да благоизволит Он чрез него удовольствовать сих вопиющих, чтобы только не возвратились они паки в Египет, а внимали глаголам Господним и текли в обетованную землю.

Таким образом, не новое будет он делать наставление людям, и не в таких истинах убеждать, которых бы дотоле никто не ведал, но ветхое сие, в чем уже все наставлены и уверены, в таком представит виде, что слово его сделает в ученых поучаемых глубокое впечатление. Но сколь великого будет ему стоить сие труда! Какое потребно умение, чтобы

сообщить занимательность новости вещам, которыя всем известны! Какое потребно красноречие, чтоб возбудить и поддержать внимание к урокам, которых слышания исполнилось всякое ухо, к картинам, которых видения насытилось всякое око!

Но трудность должна исчезать в наших глазах, когда является священная должность. — Пусть предположит себе всякий проповедник в пример подражания ревность по славе Божией св. Павла, который старался быть с иудеями иудей, с еллинами еллин, чтобы иудеев и еллинов соединить под единую державу благодати Иисуса Христа. *Всем вся бых,* — говорит он, — *да вся приобрящу*. Так и всякий, кому Промыслом поручено созидать Церковь — тело Христово, должен в соблюдении неповрежденности или в целении немощей членов сего святого тела сообразоваться с особенным каждого из них свойством. — Красноречие духовного витии должно проходить столько же степеней возвышенности и простоты, искусственности и естественности, сколько степеней в образованности и необразованности человеков. Сверх того различныя возрасты, различныя состояния общественной жизни, различныя обстоятельства и случаи часто непредвиденные предписывают ему различные образы выражения; и ко всем им должен он соделать себя способным, всякия направления должен давать слову истины, всяким оружием должен владеть и действовать, чтобы только распространить Царствие Божие и умножить ему подданных.

Если бы после сего оставалась еще сомнительною надобность искусственного красноречия в деле проповеди слова Божия, то можно бы было указать на древних церковных отцев и свидетельствоваться великими именами Златоустов, Василиев, Григориев, которые оставили нам блаженную память святой своей жизни и памятники неподражаемого красноречия. Притом мы имеем Моисея и пророков; Дух Божий, святив в Св. Писании извития человеческого слова, поучает тем учителей Церкви, что для достижения своей цели они должны иметь дело не только с разумом, но и с воображением и со страстями человеческими.

Впрочем, нужно помнить, что всуе там трудятся зиждущие, где нет Бога созидающего. Искусство человеческое остается безсильным, если не соединено с ним содействие Божие, и церковное красноречие тогда только совершенно, когда в слово человеческое облекается слово, сильное Богом, или сама сила Божия во спасение всякому верующему.

[Оценка:] *Изобретено и изложено прекрасно.*